

Дуглас Брайан Отдай мне свою молодость!

Конан – 105

Конан спасает от разбойников своего старого друга Тянь-по. Кхитаец направляется в Шадизар к своему коллеге ученому, который работает над изготовлением эликсира молодости. Конан решает составить компанию Тянь-по.

Из царственного Султанапура в Шадизар медленно двигался роскошный караван. Десять верблюдов везли поклажу, тщательно увязанную и украшенную кистями. Далее, запряженная четверкой лошадей, катила по дороге повозка. И какая это была повозка! На крыше колыхался белый пышный султан, окна были забраны тонкими занавесками, полупрозрачными, но непроницаемыми для дорожной пыли. Несколько погонщиков, оборванных, смуглых, низкорослых, напоминающих, скорее, разбойников, гарцевали на конях вокруг повозки и верблюдов. Это были заморийцы, которые предпочитали голодать сами, лишь бы сыты и ухожены оставались их лошади. Кем бы ни был хозяин этого каравана, он умел подбирать людей для ухода за животными.

Двое сонных пышнотелых и богато разодетых стражника покачивались в седлах на обе стороны повозки. Эти люди, родом из Турана, служили за плату и были совершенно равнодушны к нуждам своего работодателя. Впрочем, тот, надо полагать, хорошо знал, что делал, нанимая их. Они служили ему не столько для охраны, сколько для представительства, и всякий, увидевший этих великолепных воинов в расшитых халатах, вооруженных длинными пиками, подумал бы: «Да, вот, должно быть, важный господин едет в этой красивой повозке!».

Именно такая мысль и мелькнула в голове у предводительницы разбойников, что пробиралась горными тропами в пустынной местности между Заморой и Тураном. Эта женщина была не слишком молода — ей уже минуло двадцать, а для здешних краев, да еще при таком образе жизни, который она вела с юных лет, это много. Банда досталась ей «по

наследству» — от любовника. Сказать по правде, то была весьма жалкая шайка оборванцев, которые промышляли тем, что отнимали зерно и припасы у крестьян, отправлявшихся в город, чтобы заплатить налоги.

Акме — так звали женщину — была рабыней в Заморе. Смуглая, черноволосая и тощая, она ценилась дешево на невольничьем рынке и потому прежний хозяин, торговец тканями, всегда брал ее с собой, когда отправлялся из Аренджуна в Султанапур со своим товаром. Девушка готовила для него лепешки на плоских раскаленных камнях и обслуживала его прихоти. Если ее и украдут, рассуждал купец, то невелика будет потеря.

В конце концов, так и произошло, когда Большой Пузан со своей шайкой встретился ему на караванной дороге. Только потери оказались куда больше, чем рассчитывал купец: все ткани забрали, повозку разломали, а самого хозяина всего этого добра убили, потому что он пытался торговаться, требовать «справедливости», совал какие-то жалкие монеты в попытках откупиться и страшно надоед Большому Пузану. «Назойливый был человек», — так он выразился, вытирая саблю об одежду убитого.

Девушка осталась с грабителями. Им не было дело до того, что она почти черна, худа и костлява. Пузану наоборот нравились худенькие. А она оказалась к тому же сметлива, дерзка и не боялась крови. Ее стали брать с собой в дело...

Теперь нет Пузана, нет и большинства прежних его лихих товарищей. Сброд, а не воинство грабителей, но других ей не найти. Акме носила просторные черные шаровары, длинную рубаху, перехваченную поясом, и синий шарф, которым закрывала лицо до самых глаз. Из-под шарфа спадали на спину четыре тонких, длинных смоляно-черных косы, похожих на хлысты. Только по этим косам и можно было угадать женщину, так мало женственного оставалось в худой, гибкой фигурке.

Акме подняла руку. Пятеро грабителей замерли в седлах.

— Пора! — выдохнула предводительница, и они помчались вниз, в долину. Лошади умело выбирали дорогу, ступая по знакомой тропе, которая, если глядеть на нее, не зная, выглядела просто убийственной.

В караване заметили неладное. Роскошные туранские толстяки забеспокоились, зашевелили копьями.

Повозка остановилась. Погонщики схватились за ножи, кони их ржали и вертелись на месте, вздымая пыль.

Один из охранников пал на месте, не успев даже вытащить копье из держателя. Разбойник, проносясь мимо него, отмахнул на всем скаку мечом, и голова с выпученными глазами покатилась по песку.

Второй ощерился и выставил копье. Всадник, который убил первого охранника, не успел повернуть коня, и со всего маху насадил себя на копье. Длинное древко словно бы выросло у него из груди.

Конь убитого заржал и поднялся па дыбы, выдергивая копье из рук туранца. Тот ахнул... и остался безоружным.

Исход схватки казался предрешенным. Бандиты окружили четверых заморийцев и начали теснить их.

— Сдавайтесь! — звенящим, как медь, голосом выкрикнула Акме.

Заморийцы молча отбивались.

И вдруг натиск на них стал слабеть. Кто-то врезался в нападавших с тыла. Двое повалились на песок, не успев издать ни звука, третий с мечом в руке развернулся навстречу неожиданному противнику.

На него глядели два пронзительных синих глаза.

Синие глаза в этих краях считаются дурными. Может быть, потому, что очень редко встречаются. Это на севере матери суеверно скрещивают пальцы и плюют через плечо ребенка, чтобы его ненароком не испортил черноглазый незнакомец. А здесь, на Востоке, такую же реакцию вызывают светлоглазые люди.

Особенно такие — огромного роста, дочерна загорелые, мускулистые, с растрепанными

черными волосами. Похожие па дикого зверя.

Зубы блеснули на красивом лице чужака.

— Хочешь один на один? — спросил он на туранском.

Разбойник молча замахнулся саблей. Он не успел пожалеть о своей дерзости. Длинный меч северянина легко отбил удар сабли. Сила этого чужака была неодолимой. Следующий удар длинного меча раскрыл голову разбойника вместе со шлемом.

При виде этой неожиданной поддержки заморийцы осмелели и решительно пошли в наступление. Разбойники, которых вместе с Акме оставалось всего трое, начали отходить, стараясь держаться так, чтобы опасный чужак не смог зайти им в тыл.

Один из заморийцев метнул нож. Лезвие вонзилось бандиту между лопаток, и он упал на спину своей лошади. Испуганное животное потащило его прочь. Последний припал к шее коня и стал нещадно погонять его, но тут случилось неожиданное: конь споткнулся о труп стражника, лежащий поперек тропы, и упал. Разбойник забился, как рыба, выброшенная на берег, в попытках освободить ногу, придавленную боком лошади. Галдя и крича, словно морские птицы, заморийцы подбежали к нему, и один из них пронзил лежащего мечом.

Незнакомец, прищурив синие глаза, наблюдал за расправой. По его лицу невозможно было сказать, как он к этому относится. По его лицу вообще трудно было что-либо сказать.

Предводительница разбойников почему-то медлила. Наконец она решилась и подъехала поближе к чужаку.

— Кто ты? — спросила она повелительно.

Он молча смерил ее взглядом с головы до ног.

Она сняла шарф с лица. Он продолжал смотреть на нее, неподвижно и безмолвно, словно оценивал прежде чем приступить к торгу. Лошадь заплясала под пей, и девушка машинально погладила ее по шее.

— А ты кто? — спросил чужак.

— Акме.

— Чья ты женщина? — Он кивнул, показывая на трупы разбойников.

— Ничья! — гордо выкрикнула она. — Я была их предводительницей.

Он насмешливо прищурился и покачал головой с шутливым укором.

— Очень некрасиво, — сказал он.

— Как ты можешь осуждать меня! — вспыхнула Акме.

— Некрасиво врать взрослому мужчине, — пояснил незнакомец.

— Это кто здесь взрослый мужчина? — донесся голос из повозки.

Оба как по команде повернулись на звук. Незнакомец прикусил губу, словно досадуя на себя за то, что не догадался заглянуть в повозку.

Л голос между тем продолжал:

— Это ты-то взрослый мужчина? Ну-ну-ну, очень глупо! Я мог перестрелять вас из лука, пока вы таращили друг на друга глаза и разбирались, кто из вас страшнее! Ну, Конан, отвечай! Ведь это ты?

Голос начал казаться Конану очень знакомым. Он приблизился к полупрозрачному окну и проговорил:

— Да, это я. А это... неужели ты, Тянь-По? Занавеска отодвинулась, и из окна высунулась

круглая физиономия ученого кхитайца. С тех пор, как Конан расстался с ним в замке Амрок, прошло несколько лет. За эти годы киммериец приобрел несколько новых шрамов и стал ощутимо тяжелее, крепче — он входил в возраст зрелости. А кхитаец остался таким же, каким и был, — похожим на полростка, щупленьким и в то же время мудрым какой-то древней, вековой мудростью, которая всегда оставалась для Конана непостижимой.

— Ну и ну! — сказал Тянь-По. — Вот это встреча!

— Ты теперь важный господин, — засмеялся киммериец. — Путешествуешь как богач. Немудрено, что на тебя напали. Почему ты взял только двоих охранников?

— А сколько ни возьми — если уж нападут грабители, то беда! — пояснил кхитаец. —

Возьмешь пятерых — убьют пятерых. Лютые люди в этих горах. Мне, Конан, жаль пятерых. Чем меньше людей погибнет, тем лучше.

— Взял бы хоть стоящих, — продолжал Конан. — А то от этих никакого проку! Я все видел. Я был неподалеку, когда началось это безобразие.

Он посмотрел в упор на Акме, которая прикусила губу и ответила дерзким взглядом.

— А тех, от которых есть прок, — тех жалко, — сказал кхитаец.

— У тебя удивительная логика, — фыркнул — варвар.

— Кхитайская, — скромно потупился Тьянь-По. — Я стал богат.

— Почему ты не живешь в замке? Он ведь достался тебе по праву!

— Мне дали за него хорошие деньги. Там отвратительная погода, знаешь? — Кхитаец засмеялся. Глаза его превратились в две тоненькие щелочки. — Правда, перед тем, как уехать, я забрал оттуда кое-какие книги и записи покойного графа Амрок. Изучал их на досуге, кое-что построил.

— Ты же не хотел строить летательные механизмы! — вспомнил Конан. — Боялся за законы природы или что-то в этом роде.

— Зато я построил очень точные водяные часы, которые умеют замедлять время. Незаменимы для любовников, которым хочется побыть наедине подольше.

Конан поднял брови, но ничего не сказал. Как он уже признавался, логика кхитайца так и осталась выше его разума.

— Что будем делать? — спросил наконец Конан. — Так и будем здесь стоять и ждать, пока солнце нас расплавит?

— Это было бы слишком по-философски, — согласился кхитаец. — Я направлялся в Шадизар. А ты?

Конан призадумался. Он тоже собирался навестить этот город, который считался раем для воров, город богатых бездельников, голодных и жадных авантюристов, роскошных женщин, томящихся от скуки, — а главное, город несметных богатств, которые тоже любят приключения и охотно переходят из рук в руки. Но рассказывать обо всем этом кхитайцу, человеку преуспевающему и обладающему странным складом ума, не хотелось. Поэтому киммериец в конце концов проговорил:

— Почему бы и нет? Составлю тебе компанию.

— Отлично, — молвил кхитаец и хотел было задернуть занавески, но Конан остановил его:

— Погоди. Последний вопрос — насчет этой женщины.

Узкие глаза равнодушно скользнули по лицу Акме, чуть зацепили шелк у нее на груди. Потом Тьянь-По проговорил:

— Оставь ее себе, если хочешь. Мне она не нужна.

— Может быть, кто-то из твоих людей захочет предъявить на нее права? — полюбопытствовал киммериец.

Тьянь-По наморщил лицо.

— Умоляю тебя, Конан! Перестань. Мне совсем не хочется, чтобы ты перебил моих чудных заморийцев. Они так хорошо заботятся о лошадях и верблюдах! Где еще я найду себе таких слуг? Нет уж, скажешь им, что эту женщину я отдал тебе — и все.

Акме смолчала. Это молчание сказало Конану куда больше, чем слова. В том, как держалась поверженная предводительница разбойников, ощущалась давняя привычка к подчинению.

— Ты ведь была рабыней, не так ли? — обратился к ней Конан.

Она сверкнула угольно-черными глазами.

— Может быть!

— Останешься пока со мной, — примирительным тоном сказал ей киммериец.

— Если ты думаешь, что я... — начала она сквозь зубы, но Конан оборвал ее:

— Никогда в жизни, ни одну женщину я не взял против ее воли. В конце концов, я не так уж дурен, чтобы не найти себе подругу. Но если ты не останешься со мной, этим

воспользуются brave ребята из свиты нашего кхитайца.

Акме молчала. Конан похлопал ее по плечу, как будто она была пареньком:

— Это совет, Акме.

Она молча тронула коня и поехала рядом с киммерийцем.

* * *

В Шадизаре у Тянь-По было интересное дело. Один из тамошних ученых по имени Малохай работал над эликсиром вечной молодости и, как он писал своему ученому другу, сильно продвинулся на пути к успеху. В ответном письме Тянь-По выразил сильное сомнение в этом. Малохай прислал посыльного, который ворвался в роскошный дом кхитайца и выкрикнул: «Мой господин говорит, что он — не хвастун, а ты, уважаемый, — чванливый невежда!» — после чего упал без чувств от усталости. Выполняя волю своего хозяина, он скакал к его ученому оппоненту день и ночь, загнал коня и остаток пути пробежал пешком, лишь бы побыстрее сообщить ему порученное.

Тянь-По осмотрел лежащего, молвил: «Какая преданность!» и распорядился ухаживать за ним получше. А сам начал собираться в дорогу. Что-то не понравилось ему в сообщении Малохая. Слишком уж тот самоуверен. Как бы и в самом деле не оказалось, что эликсир найден.

«Это было бы катастрофой, — размышлял Тянь-По. — Конечно, такое снадобье стоило бы очень дорого. Оно было бы по карману только богачам и правителям, большая часть из которых заслуживает не вечной молодости, а скорейшей кончины. Очень-очень плохо».

Однако, будучи настоящим ученым, Тянь-По предпочел явиться в Шадизар лично и разобраться во всем на месте. Поэтому он взял несколько книг, незаконченный трактат «О свойствах времени», над которым время от времени работал, прихватил в подарок коллеге чистых пергаментов и связку кхитайской рисовой бумаги, погрузил все это на верблюдов — и отбыл.

Нападение разбойников не обескуражило его. Он знал, что в любом случае отнять у него могут только его жизнь. А жизнь кхитайца, с точки зрения грабителей, стоила очень мало,

К тому же он верил, что не умрет раньше, чем иссякнет отпущенный ему богами срок. Эта идея подробно была разработана им в трактате «О свойствах времени». Появление Конана, столь своевременное и как будто случайное, лишний раз доказывало, что кхитаец прав: никто не может присвоить твое время, если оно твое (таков был один из тезисов его сочинения).

Шадизар предстал перед путешественниками в лучах заката — прекрасный город с высокими разноцветными башнями. Солнце окрашивало позолоченные шпили в кровавый цвет, играло на золотых бусинах, обвивающих круглые купола, бросало отблески там, где в окна были вставлены хрустальные пластины. Великолепие Шадизара каждый раз поражало путника — независимо от того, как часто это зрелище открывалось его глазам. И Конан, который видел Шадизар далеко не впервые, остановился, замороженный. Город, как распахнутая шкатулка с драгоценными камнями, пылал в ярких красках пышного заката.

Акме смотрела на него, полуоткрыв рот, как ребенок. Конан увидел, что в ее расширенных блестящих зрачках отражаются городские башни. Девушка показалась ему колдуньей, так странно горели ее глаза. Впрочем, он тотчас отбросил эту мысль как заведомо глупую. Будь она колдуньей, она не стала бы связываться с этими жалкими грабителями. Нашла бы себе что-нибудь поинтереснее.

«А может быть, и наша», — мелькнуло у него в голове.

Но размышлять на эту тему было сейчас некогда. Маленький караван становился на ночлег, чтобы войти в город утром. Тянь-По был состоятельным и важным человеком, ему

совершенно не хотелось пробираться по темным улицам и расспрашивать прохожих о том, где здесь дом ученого Малохая. К тому же он хотел произвести впечатление на коллегу своей повозкой, эскортом и верблюдами, а в темноте все это великолепие просто пропадет.

Тьянь-По остался ночевать в повозке. Там у него имелось шелковое одеяло, маленькое полено, которое он подкладывал себе под голову, и колючая плетеная циновка. Конан не представлял себе, как человек может спать в таких условиях, однако маленький кхитаец преспокойно подсунул полено пол шеи, вытянулся на циновке и тотчас мирно заснул.

Акме не отходила от Конана ни на шаг. Она снова замотала лицо шарфом, но глаза ее так и двигались, следя за заморийцами. Когда киммериец устроился возле костра, девушка молча легла рядом с ним. Конан хозяйски сгреб ее за плечи и прижал к себе. Так они и проспали всю ночь.

Прикосновение к Акме не поправилось киммерийцу. Она была костлявой и горячей — слишком горячей, как будто ее сжигает внутренний жар. Однако девушка ничем не хворала. Конану показалось, что он обнимает какое-то животное, маленькое, верткое, молчаливое. Утром он поскорее встал и отошел от нее подальше.

— Ты изменился, — заговорила она, приближаясь к нему. — Почему ты изменился ко мне, господин?

— Для начала, я тебе не господин, — сказал киммериец. — Избави меня Кром от такой рабыни! Кто ты такая, Акме?

— Не знаю, — сказала девушка и заплакала под своим покрывалом.

Ее слезы вызвали у Конана отвращение. Он попытался скрыть это, отвернувшись, однако Акме что-то почувствовала и больше к нему не приближалась.

Шадизар встретил их праздничным шумом. Здесь всегда царило веселье. Ревели быки и верблюды, ржали лошади, вопили упрямые ослы. Люди кричали, смеялись, бранились, расхваливали свой товар, шумно требовали денег, вина, справедливости, восхищались походкой и взглядом проходящей мимо красотицы, статями лошади, искусной огранкой драгоценного камня... А запахи! Запахи пряностей, жареного мяса, раскаленных углей, свежесшитого полотна, сладкого женского пота, густых и тягучих благовоний, конского навоза, розовой воды... Чем только не пахнет в Шадизаре!

Этот город оглушал и опьянял. Тьянь-По, сидя в повозке, нюхал высушенную лилию, обладающую тонким, легким, изысканным ароматом, а уши заткнул тряпочками.

— Здесь все для меня слишком прямо, — пояснил он, когда Конан заглянул к нему в окно. — Попроси возницу, чтобы поскорее доставил нас к дому Малохая.

Но «поскорее» не получалось, и повозка с верблюдами медленно тащилась по запыленным улицам.

Дом Малохая стоял в восточной части города. Из окон верхних этажей открывался прекрасный вид на башни, зато нижние комнаты Смотрели прямо па мусорную свалку и глухую стену соседнего дома. «Что поделаешь, — оправдывался Малохай, — мы живем в большом городе. Где много людей, там много мусора».

Конан не мог с ним не согласиться.

Малохай был полной противоположностью Тьянь-По: рослый, грузный, вечно потеющий лысый человек в засаленном парчовом халате. Чистенький и скромный Тьянь-По рядом с ним как-то терялся.

Но только до тех пор, пока они не начинали разговаривать. Как хорошо было известно Конану, кхитаец никогда не лез за словом в карман, и спорить с ним было опасно. Тут уж внушительный Малохай терялся и даже как будто становился меньше ростом.

Правда, из их ученых споров киммериец не понимал ровным счетом ничего...

Малохай очень обрадовался гостям, велел слугам, чтобы те разместили их на верхнем этаже, подали фруктов, вина и сладких булочек с изюмом, а также принесли благовонные палочки и розовую воду. Все это было доставлено.

Слуги, сгорающие от любопытства, входили к гостям по очереди. Один принес корзину с яблоками, поглазел украдкой па пришельцев — странную пару представляли собой рослый

киммериец и маленький кхитаец — и удалился. Но не успел опуститься за ним тяжелый бархатный занавес, как на пороге комнаты робко возник второй — с персиками на блюде и вином в кувшине. Третий слуга доставил ароматические угольки и палочки.

Конану надоело это паломничество. Он схватил слугу за плечо.

— Приходите уж сразу все. Сколько вас тут?

Слуга чуть дернулся, словно пытаясь высвободиться, но хватка у киммерийца была железная, и слуга обмяк.

— Нас, господин? — переспросил он, глупо моргая. — Нас тут... десять. То есть... если считать женщин. А конюхи...

— Никаких конюхов! — велел Конан. — Пусть придут сразу десять слуг. Быстро!

Для внушительности он взревел страшным голосом и выпустил плечо. Слуга мгновенно скрылся. Кхитаец смеялся, беззвучно трясясь и щуря глаза. Он сидел на стопке ковров у стены, под нишей, где стоял медный кувшин — единственное украшение этой комнаты, — и прихлебывал холодное вино из широкой плоской чашки. Конан мрачно сжевал персик, подошел к окну и выплюнул туда косточку.

Тем временем у занавески послышалось шуршание и тихое перешептывание. Конан повернулся в ту сторону и гаркнул:

— А ну, все вошли! Живо!

Слуги один за другим показались в комнате. Конан прошелся перед ними, как полководец перед строем солдат перед битвой.

— Итак, — заговорил он громким, рыкающим голосом, — вы явились сюда для того, чтобы поглазеть на гостей своего господина. На огромного великана и крошечного карлика. Оба — страшные уроды. Так вам сказали? — Он повернулся к слугам, выпучил глаза и оскалил зубы. — Признавайтесь, жалкие недомерки!

Вперед на подгибающихся ногах вышел пожилой слуга в дорогом халате — куда более чистом и новом, чем у Малохая.

— Нет, господин, — заговорил он, кланяясь. — Нам сказали, что к нашему хозяину приехали диковинные чужеземцы.

— Увидели? — спросил Конан.

— Да, господин, — трясущимися губами вымолвил пожилой слуга.

— Вон отсюда! — крикнул Конан так, что кувшин в нише зазвенел и долго еще не мог успокоиться. Любопытных слуг как ветром сдуло.

Конан обернулся к Тянь-По, страшно довольный своей шуткой. И тут только он увидел, что ученый кхитаец скорчил невообразимо ужасную рожу, широко растянув длинный рот, сузив глаза и раздув ноздри.

* * *

И ученые коллеги с наслаждением погрузились в свои многочасовые споры о сущности времени и способах воздействия на последнее. Малохай полагал, что сумел подобрать состав эликсира, который позволяет изменить состав тела человека настолько, что этот человек начинает жить как бы в индивидуальном времени и поэтому не стареет. Тянь-По для начала выдвинул множество возражений, основанных на глубоком знании свойств времени. В частности, утверждал кхитаец, время может быть замедлено, но очень ненадолго, на час или два. И состав человеческого тела тут не при чем, важна реакция окружающей среды на данное человеческое тело...

Конан был не в состоянии и нескольких минут выслушивать эти разговоры. Для себя он определял проблему так: толстяк в грязной парче придумал шарлатанское зелье и хочет продавать его подороже, а кхитаец отказывается состряпать для этого пойма паукообразную книгу, которую можно было бы распространять среди глупых шадизарских богатеев...

Конечно, рассуждал сам с собой Конан, надуть здешних толстосумов — святое дело.

Но, с другой стороны, у Тянь-По имелось собственное понятие о чести. И это понятие не позволяло маленькому ученому идти против совести. Он служил науке, как умел, и делал это совершенно честно.

Киммериец считал за благо не вмешиваться в отношения двух ученых мужей. В конце концов, у киммерийца и собственных дел по горло. И первое из них — Акме.

Чем больше он думал об этой девушке, тем больше она его настораживала. А она, как назло, не отходила теперь от пего ни на шаг. Проведя ночь на кухне, у порога комнатки, где спала стряпуха, она выбралась во двор и подстерегла Конана возле конюшни.

— Я еду в город, — предупредил киммериец. — У меня там дела. И мне не нужны провожатые.

— Возьми меня- с собой, господин! — взмолилась Акме.

— Сиди дома! — велел Конан грозно. Он заметил в дверном проеме Тянь-По, который делал ему какие-то таинственные знаки и усиленно гримасничал, кивая круглым сморщенным в ухмылке лицом.

Киммериец бросил Акме и быстрым широким шагом приблизился к Тянь-По.

— Что? — спросил он шепотом.

— Важный разговор! — отозвался ученый кхитаец и поднял вверх тонкий палец, измазанный тушью.

Они прошли во внутренний дворик — гордость апартаментов Малохая. Там имелся небольшой сад, за которым тщательно ухаживали, а в центре, орошая зеленую клумбу, бил небольшой фонтанчик,

— Лучшего места для секретов не найти, — молвил Тянь-По. — Послушай-ка меня, Конан, я наткнулся на очень неприятное дело...

— Куда ни погляди в этой брэнной жизни, повсюду отыщется неприятное дело, — заметил Конан философским тоном.

— О! — воскликнул Тянь-По, изобразив удивление. — Неужто и тебя поразила мудрость высокоученого Лу Ку, который написал в своем трактате «Увядающий цветок»: «Один человек купил обезьяну, чтобы она скрасила дни его старости, — но что же?..»

— К делу! — перебил Конан, которому совершенно не интересно было слушать про кхитайскую обезьяну. — Я хочу выбраться в город. Что ты там обнаружил?

— Мне кажется, ты мог бы помочь мне...

И они углубились в разговор. Поначалу говорил один кхитаец, быстро, отрывисто, нанизывая слово на слово, точно бусинки на нитку, а Конан слушал и делался все мрачнее и мрачнее. Потом Тянь-По замолчал, и тогда настал черед киммерийца. Он произнес всего одну фразу, но эта фраза заставила Тянь-по расплыться в улыбке. Ученый похлопал Конана по плечу и быстрыми шажками удалился в дом, а Конан вернулся к конюшне.

Акме все же увязалась следом. Когда он смерил ее грозным взглядом, она украдкой показала ему кинжал, спрятанный в одежде.

— Я могу быть тебе полезной, — тихо сказала она одними губами, но он ее понял и махнул рукой:

— Ладно.

Особенных «дел» в Шадизаре у Конана как будто не было. Для начала он побродил по рынку, ненароком поспрашивал о знакомых ворах. Кто-то давно покинул Замору, кое-кого колесовали на площади. Несколько человек погибли в схватках с городскими стражниками. О новых личностях, процветающих ныне в Шадизаре, Конану рассказывали скупно и неохотно. Побавивались. Однако киммериец выглядел силачом-простофилей, поэтому в конце концов ему выложили почти все.

Среди местных воров сейчас заправляет некий Сардар, личность темная и мрачная. Поговаривали, будто он умеет связываться с духами умерших. И будто бы эти духи, под воздействием разного колдовства (а Сардар знает много заклинаний), выкладывают грабителью все, что знают, о семейных сокровищах. Где хранятся реликвии, где сделаны тайники, какие драгоценности имеют очень большую цену, а какие представляют собой

дешевую поделку. Сардар — так сказали Конану — наносит удары редко, но всегда попадает точно в цель, и если уж он решится кого-нибудь обокрасть, то берет всегда наилучшее и действует безошибочно.

Все это очень не понравилось Конану. Такие люди, как этот Сардар, терпеть не могут чужаков, орудующих в «их» городе. Они присваивают себе всю добычу и ревниво ее охраняют от посторонних.

Конан не отказался бы сейчас от хорошего фамильного ожерелья. Или от десятка золотых браслетов. Деньги никогда не задерживались в руках киммерийца, какими бы крупными и сильными ни были его ладони.

Акме, которая повсюду следовала за ним, ежилась и плотнее куталась в свой шарф, когда киммериец заговаривал с шадизарскими ворами. Вероятно, кое-кто из местных грабителей знал ее по лучшим временам, подумал Конан, и ей не хочется, чтобы знали о ее поражении.

Разузнав все, что хотел, Конан зашел в маленькую таверну на краю рыночной площади и взял вина для себя и своей спутницы.

— Тебе все равно не удалось бы удержать при себе банду, — сказал ей Конан, желая утешить девушку. — Ведь после смерти твоего мужчины разбежались почти все, не так ли?

— Труссы, — прошептала она. — Он собирал себе отряд не так, как другие предводители. Он брал только тех, кто от него зависел. Тех, кому спас жизнь, кого купил на невольничьем рынке или кого пощадил во время набега. Он думал, что они будут ему преданы. А потом, умирая, взял с них слово, что они станут служить мне.

— Никогда не предполагал, что Большой Пузан был столь наивен, — вздохнул киммериец.

Акме сверкнула глазами.

— Он связывал их заклятием, — сказала она тихо. — Поэтому они и подчинялись ему. Ну, теперь ты услышал все, что хотел, не так ли? Когда его убили, сила заклятия постепенно ослабла...

— Ясно, ясно, — прервал киммериец. — Избавь меня от подобных разговоров. Если бы Большой Пузан был жив, я лично прикончил бы его. Ненавижу, когда является какой-то умник и при помощи чар забирает у тебя волю.

Девушка промолчала.

Конан сердито выпил свое вино и заказал еще. Он обдумывал, как ему лучше встретиться с Сардаром.

Но, как выяснилось, Сардар уже все решил за них обоих, и вскоре к Конану за стол подсели двое. Оба обладали неприметной внешностью и к тому же прятали свои лица в тени.

— Ты спрашивал о человеке по имени Сардар, — тихо проговорил один из них. — Мы можем познакомить тебя с ним.

— Еще есть время остановиться, — добавил второй. — Если сегодня до закрытия ворот ты исчезнешь из города, то Сардар забудет о том, что ты интересовался его делами.

— Нет, нет, — неспешно отозвался Конан. — Мне очень интересно, не сомневайтесь. Сейчас допью вино, и пойдем.

— А это кто такой? — кивнул бандит в сторону Акме.

— Мой слуга. Молчаливый парнишка. По правде сказать, совсем молчаливых! — у него отрезали язык.

Бандит взял в руки одну из кос Акме и выразительно цокнул:

— А это что?

— Волосы, — сказал Конан. — А ты что подумал?

— Женская прическа.

— Говорю тебе, это парень! — рассердился Конан. — И у него нет языка. — Последние слова он особенно подчеркнул, адресуя их, скорее, Акме, чем своим собеседникам.

Все четверо встали и направились к выходу из таверны.

* * *

— Вероятно, существует возможность усиливать воздействие эликсира молодости на личное время каждого человека за счет личного времени другого человека, — говорил Малохай.

Узкие глаза Тянь-По вдруг округлились.

— Ты хочешь сказать, что... нашел способ забирать время у одного и отдавать другому? — прошептал он, словно не веря услышанному.

— Приблизительно так, — важно кивнул Малохай.

— Но ведь это безнравственно, — сказал кхитаец очень спокойным тоном.

— Возможно. Пользуемся же мы услугами рабов, — возразил Малохай. — Мы забираем личное время у наших слуг и за счет этого увеличиваем собственное свободное время. Более того. Нанимая стражников, мы отдаем себе отчет в том, что они обязаны умереть вместо нас в случае нападения разбойников.

Тянь-По, который совсем недавно пережил именно то, о чем говорил Малохай, молча кивнул. Однако в рассуждениях своего ученого оппонента он ощущал нечто крайне неприятное.

— Все-таки эти люди живут свою жизнь, — сказал Тянь-По наконец. — Даже если они тратят ее на то, чтобы обслуживать пас. А забирать молодость — даже у никчемного, глупого раба... Нет, как хочешь, но это безнравственно. И кроме того, чужое добро никогда не приносит пользы. Послушай одну притчу, которая тебе все объяснит. Два человека делили наследство и никак не могли решить, кому взять большой горшок, а кому — маленький. Оба, разумеется, хотели получить большой. Когда они пришли к правителю, он велел: «Следует разделить наследство пополам. Разбейте оба горшка и раздайте обоим наследникам черепков поровну». Возможно, так получится и с разделенной молодостью.

— Бессмысленный подход! — возмутился Малохай. — Бессмысленный и умозрительных! Я предлагаю поставить эксперимент!

— Согласен, — медленно кивнул кхитаец. — Кто участвует?

— Между прочим, у меня длинный список шадизарских вельмож и богачей, — хвастливо заметил Малохай. — Все они умоляют меня продлить им жизнь. Любой из них готов попробовать эликсир хоть сегодня.

— А у кого ты намерен забирать время?

— Найдем, — уверенно сказал Малохай. — Главное — начать. Я хотел бы, друг мой, чтобы ты вел записи.

— Моим наилучшим каллиграфическим почерком, — заверил его Тянь-По.

* * *

Сардар обитал в убогой покосившейся лачуге, стоявшей на окраине Шадизара, среди мусорных куч и дешевых притонов. Однако стоило Конану переступить порог, как он поневоле зажмурился от яркого света. Внутри лачуга выглядела совершенно иначе, чем снаружи. Ее стены оказались каменными. Снаружи их облепляла грязная солома, но это оказалась просто маскировка. С потолка на тонких цепочках свисали медные лампы, заправленные лучшим маслом. Отполированные бока ламп отбрасывали яркие искры, все блестело и переливалось. Чисто выбеленные стены были украшены золотыми кувшинами и кальянами для курения, стоявшими в многочисленных нишах, а под нишами стопкой лежали красивые султанапурские ковры.

Полуобнаженные девушки подбежали к гостям и принялись виться вокруг них, одаряя Конана обольстительными улыбками. Киммериец ласково щипнул одну из них за бедро, она рассмеялась, закрыла лицо в притворном смущении и убежала.

Навстречу посетителям встал Сардар. Это был жилистый невысокий человек, такой смуглый, что казался плохо умытым. В его ушах качались массивные золотые серьги, курчавые волосы перехватывала головная повязка, украшенная золотыми подвесками в виде маленьких лошадей и быков.

Он сделал приветственный жест. Конан не заставил повторять дважды — уселся на ковры, скрестив ноги. «Немой мальчик» встал за спиной у своего «хозяина». Сардар лишь бегло смазал его взглядом и устремил все свое внимание на огромного киммерийца.

— Вина? Фруктов? — любезно проговорил он. Холодный изучающий взгляд странно контрастировал с приветливым тоном его голоса.

— Благодарю, — неопределенно ответил Конан. — Ты хорошо живешь, Сардар, — добавил он, выразительно осматриваясь в жилище бандита.

Тот пожал плечами.

— На меньшее не согласился бы никто, — сказал Сардар. — Меньшее недостойно человека.

— Шадизар — прекрасный город, — уклончиво произнес Конан.

— Мне доводилось видеть другие города, но лучше Шадизара я не встречал, — согласился Сардар.

— В Шадизаре человек может позволить себе хорошее жилье, — сказал Конан.

— Еда может быть скудной, одежда — простой, но жилье должно радовать, — сказал Сардар.

В таком духе они обменивались любезностями еще некоторое время, а потом Сарлар решил перейти к делу.

— Я слышал, ты прибыл в город вместе с ученым кхитайцем?

— Не могу отрицать, — произнес Конан.

— И этот кхитаец, как говорят, остановился в доме ученого Малохая? — продолжал Сардар.

— И это невозможно опровергнуть, — молвил Конан.

Сардар рассмеялся, сверкнув зубами, и ударил киммерийца жилистой рукой по плечу.

— Вот это речь учтивого человека! Однако скажи мне, незнакомец, наверное, ты слышал нечто, что поможет украсить мое жилище и создать твое?

Конан посмотрел прямо в глаза заправиле шадизарских воров.

— Эликсир вечной молодости, — произнес он. Они посмотрели друг другу прямо в глаза и начали улыбаться.

* * *

Вечером этого дня Конан и Тянь-По имели продолжительный разговор. Маленький кхитаец рассказывал об открытии своего шадизарского коллеги и его грандиозных планах, а огромный киммериец повествовал о Сардаре и его «скромном жилище».

— Ты можешь обокрасть какого-нибудь богача, — говорил Тянь-По, очень волнуясь, — и если ты не попадешься на краже и не будешь повешен, то ничего в мире не изменится, ни для тебя, ни для богача. Ты обеднеешь так же быстро, как богач опять обогатится. Но этот эликсир вечной молодости будет отбирать у людей то, что никогда не сможет к ним вернуться. Нет-нет-нет, это следует остановить.

— Как? — спросил Конан. — Я знаю только один способ: Малохая убить, его зелье вылить, а книги сжечь. Я всегда так поступаю с колдунами.

— Малохай — не колдун, а ученый, — возразил Тянь-По. — И есть другой способ. Вот послушай.

Жил один слепец, который хотел попасть на небо. Однажды над ним решили подшутить и жазали: «Мы только что побывали на небе — как нам хорошо! Там журчит вода, поют женщины, топают небесные лошади. Там очень красиво. Жаль, что ты не можешь

этого увидеть». — «Но я хотя бы услышу все это», — сказал слепец, и шутники, взяв его под руки, повели его куда-то. Они привели чего на высокий холм. Под холмом женщины стирали белье, пели и стучали вальками. «Вот там — небесное царство», — сказали шутники. Слепец слушал и говорил: «Какие удивительные звуки я слышу на небе!»

— К чему ты это рассказал? — спросил киммериец.

— К тому, что человек верит в то, во что хочет верить, — ответил Тянь-По. — Главное — половчее его обмануть.

Они долго обсуждали детали своего плана и разошлись по кроватям, когда было уже далеко за полночь, и белая луна высоко стояла в роскошном бархатном небе над Шадизаром.

* * *

Первый опыт Малохай решил провести над самим собой, а в качестве человека, который отдаст ему свою молодость, был избран Сардар. Малохай считал, что затеял дело одновременно и полезное — ибо что может быть полезнее, чем избавить общество от такого головореza, как Сардар? — и выгодное, поскольку вечная юность оставалась недостижимой мечтой человека на протяжении многих тысячелетий. А когда в Шадизаре увидят, к чему привели эксперименты Малохая, богачи валом повалят к нему в дом и принесут ему огромные, несметные сокровища. «Я буду юн, прекрасен и богат!» — заключил он, глядя на Тянь-По блестящими, счастливыми глазами. Малохай так увлекся своими мечтами, что даже не удивился тому, что кхитаец не проявляет ни малейшей зависти и не пытается, ухватить хотя бы малую толику счастья, выпавшего на долю коллеги.

Что касается Сардара, то он лелеял совершенно иные планы. Он намеревался представиться вымышленным именем и явиться в дом ученого под личиной богатого торговца солью — так он условился с Конаном. С собой он брал всего трех своих людей, полагаясь на собственную силу и ловкость. Когда глупый Малохай поделится с ним своим открытием (а Сардар справедливо полагал, что вид больших денег развяжет ученому язык), главарь шадизарских воров завладеет оружием беспредельной власти. Ради эликсира вечной молодости сильные мира сего лягут к его ногам, как покорные овечки. И тогда... При одной мысли об этом «тогда» у Сардара начинала кружиться голова, и губы его растягивались в пьяной улыбке.

Визит «торговца солью» происходил ночью, под покровом таинственности. Несколько темных теней произнесли несколько условленных фраз, после чего двери в дом Малохая приотворились, и тени проникли внутрь. И вновь воцарилась тишина на улицах спящего Шадизара.

Трое бандитов остались внизу, среди слуг Малохая. Сардар, закутанный в белое просторное покрывало, медленно поднялся по витой лесенке и оказался на втором этаже. Молчаливый слуга проводил его в господские покои. По пути Сардар быстрым, цепким взглядом осматривался по сторонам, но ничего стоящего не обнаруживал. Судя по всему, Малохай жил не бедно, но сокровищ не накопил и все свои деньги тратил на еду и содержание дома.

Комната, где ученый ждал своего посетителя, была обтянута войлочными драпировками, так что внутри напоминала шатер кочевника. Сардар мгновенно понял, для чего это сделано: ни один звук не доносился отсюда наружу. Умно, подумал вор. И недальновидно со стороны Малохая. Потому что никто не придет ему на помощь, когда настанет время Сардару завладеть ключом к безграничной власти.

Малохай встретил своего гостя сидя на подушках в углу. Он даже не поднялся, поскольку был занят последними приготовлениями. Маленький кхитаец в скромной черной одежде смирно сидел за плечом ученого — Сардар заметил его, но решил не принимать во внимание. Кхитаец держался очень тихо и производил впечатление слуги или помощника. Убить щуплого коротышку не составит труда.

В другом углу комнаты на коленях стояла молодая женщина, закутанная в прозрачный голубой шелк. Сардар плохо понимал, для чего здесь нужна женщина. Возможно, для того, чтобы клиент, завладевший вечной молодостью, мог сразу по достоинству оценить полученный дар.

— Приступим, уважаемый, — начал Малохай торжественно. — Времени мало. Луна вступила в свою полновесную фазу и скоро начнет терять жизненную силу.

Сардар кивнул, приняв важный вид. Он уселся, скрестив ноги, на маленьком коврик, расстеленном прямо в центре комнаты, расслабился, как ему порекомендовали, и принял из тонких рук женщины плоскую чашу из очень простого фаянса. В чаше плескалась какая-то жидкость, на вид напоминающая ячменное пиво.

— Прошу тебя, уважаемый, выпей, — прошептала женщина.

Сардар медленно провел по ней взглядом. Она вдруг показалась ему знакомой. Не то чтобы он знал ее когда-либо — нет, скорее, он видел ее, причем совсем недавно. Но размышлять над этим не было времени. Ни одна женщина не играла важной роли в жизни Сардара.

Малохай прикоснулся к какому-то прибору, похожему на водяные часы, и перевернул колбочку. Вода, окрашенная красным, медленно потекла по узкой трубке. Кхитаец зажег благовонную палочку, и комната наполнилась странным запахом. Улыбаясь, Сардар поднес к губам чашу. Кинжал, спрятанный под одеждой, приятно охлаждал кожу. Его прикосновение радовало, как рукопожатие верного друга.

Тепло пробежало по жилам Сардара. Он закрыл глаза, откинул голову назад и стал ждать. Что-то происходило с его телом. Монотонно напевал Малохай, вода капала в клепсидре — громко, слишком громко падали капли, красные и тяжелые. В висках оглушительно стучала кровь. Кожа на лице то растягивалась, то вдруг сморщивалась. Сардар чувствовал, как жизненная сила течет по его телу... течет... вытекает!

Он открыл глаза. Свет в комнате как будто потускнел. Женщина, которая вызывала у него хищный интерес, теперь показалась ему скучной, как досадное недоразумение. А Малохай вдруг раздулся и сделался очень розовым и гладким. Пухлые его руки сильно тряслись, губы приоткрылись, как у слабоумного, покрасневшие глаза наполнились жидкими слезами.

Сардар вскочил на ноги и вдруг понял, что его ноги, прежде такие сильные и крепкие, не желают его слушаться. Он сделал шаг и едва не упал. «Я слишком быстро омолодился, — подумал он в смятении. — Я еще не владею собственным телом. Вот в чем дело».

С Малохаем явно творилось неладное. Кряхтя и задыхаясь, он приподнялся над подушками и упал. Кхитаец наблюдал за происходящим с бесстрастным лицом, похожий не на человека, а на маленькую бесчувственную обезьянку.

Малохай забарахтался на полу, выкрикивая бессвязные проклятия.

— Что ты сделал? — разобрал Сардар. Он вдруг понял, что ученый обращается к этому неприятному кхитайцу. — Что ты натворил, а? Почему?

Кхитаец молчал. Молчала и женщина. Что-то странное происходило и с ней. Она делалась выше ростом, лицо ее непрерывно менялось, в глазах вспыхнуло пламя... Настоящее пламя! Сардар видел, как они сделались красными и провалились в орбиты.

Волосы женщины взметнулись, покрывало упало на пол, и она наступила на него босой ногой. Черное худое тело женщины больше не было человеческим. Его лизали языки пламени.

Она раскинула руки в стороны. Огонь свисал с ее рук, словно плащ, но ничто в доме не загорелось. И вдруг женщина засмеялась.

Это был звонкий счастливый смех свободного существа.

— Так вот ты кто! — послышался голос, и в комнате появился киммериец. Сардар метнул взгляд в его сторону: Конан, скрывавшийся за занавесом, выступил на середину комнаты и приблизился к пылающей женщине. — Ты — огненный дух!

А она глядела на него пламенными очами и смеялась, смеялась.

— Как вышло, что тебя поймали и заточили в теле невольницы?
— Не знаю! — хохотала огненная дева. — Не помню! Не хочу знать!
— Это сделал Большой Пузан?
— Нет! Тот человек умер! Не хочу помнить!

— Конан, — громко произнес кхитаец, вмешиваясь в разговор варвара с освобожденным духом. — Погляди-ка на наших друзей. Кажется, они сильно недовольны друг другом.

Действительно, Сардар наконец обнажил кинжал и шатаясь приблизился к Малохаю, а тот сжал в кулаки жирные слабые руки и принял угрожающую позу.

— Ты обманул меня! — сипло проговорил Сардар. Теперь, когда процесс завершился, он превратился в дряхлого старца. Не добравшись до Малохая, он остановился и закашлялся, тряся длинными седыми волосами.

— Что... что ты сделал? — обратился Малохай к кхитайцу. Он выговаривал слова, странно булькая. Малохай сделался теперь немощным и расплывшимся, и было видно, что за эти несколько минут он постарел на два десятка лет.

— Я? — изумился кхитаец. — Почти ничего. Кое-чем воспользовался, кое-что подкрутил, изменил состав,.. Ты не имел права забирать молодость у одного человека и передавать ее другому! Я предупреждал тебя об этом. А Конан и его горячая подруга мне чуть-чуть помогли. Вот и все.

Пока старцы пытались убить друг друга, еле двигая слабыми руками, Конан, Тянь-По и огненный дух покинули комнату.

— Вещи я уже собрал, — сообщил кхитаец. — Времени у нас нет.

— Вы — мои друзья, — произнесла огненная дева. Ее звонкий голос исходил не из губ, но доносился изнутри языков пламени, как бы зарождаясь в самом сердце костра. — Что я могу для вас сделать?

— Это обязательное условие полного освобождения духа, — пояснил Тянь-По. — Прежде я только читал об этом в одном ученом трактате... Кажется, «Дух воздуха превращается в госпожу».

— Ясно, — перебил Конан.

— Ты очень тороплив, — укорил его кхитаец. — Следует внимательно относиться к наследию прошлого. Освобожденный дух должен помочь своим освободителям. Милая Акме! — обратился он к духу. — Просим тебя: перенеси меня, Конана, все наши вещи и верблюдов...

— И повозку, — вставил варвар.

— Не перебивай! — возмутился Тянь-По. — И повозку... Перенеси нас со всеми этими вещами в мой дом в Султанапуре!

И не успел он закончить последнее слово, как все вокруг завертелось, и исчезло, словно они с киммерийцем провалились в глубокий, обморочный сон.

* * *

Дом Тянь-По в Султанапуре был просторным, но убраным очень скромно. Большую часть имущества кхитайца составляли книги и различные приборы. Кроме того он питал настоящую страсть к посуде, однако позволял себе держать в доме лишь несколько чрезвычайно ценных чаш. «Чем меньше у тебя сокровищ, тем более ценны они для тебя, — объяснил он. — Я могу созерцать их часами, и они позволяют мне поддерживать дух в должной чистоте».

Конан ничего не понял из этих объяснений. Дух огня весело разгуливал по всему дому, то вылетая из окон, то развлекаясь с растопленной жаровней.

— Осторожней, — беспокоился Тянь-По. — Тут везде книги!

— Нужно покончить с нашими желаниями, — сказал Конан. — Она, вероятно, исчезнет

после того, как выполнит определенное количество наших желаний.

— В таком случае, — произнес Тянь-По, — милая Акме, достань мне, пожалуйста, трактат кхитайского ученого Бу Пу «Устройства для обжига фарфора». Тот, что со схемами и тысячью рисунками. Он хранится во дворце императора... Все равно никто не читает эту книгу, а мне она необходима.

Пламенеющая дева рассмеялась откуда-то из садика, где Тянь-По держал не клумбы с цветами, а... камни. Впрочем, там рос и какой-то искривленный кустик, который, по уверению хозяина дома, весной покрывался белыми цветами. «Он напоминает мне о скорой преходящести земной жизни», — сказал кхитаец.

Книга хлопнулась откуда-то с потолка. Она была горячей, почти раскаленной, и кхитаец обжегся, когда схватил ее в жадном нетерпении.

— Боги! — застонал он. — Это она! Много лет я возделел ее, много лет я не спал ночей, мечтая о том, чтобы прикоснуться к ней хотя бы на миг!

— А если сюда явятся люди императора, чтобы отобрать ее у тебя, а тебя предать казни? — спросил Конан.

Кхитаец поглядел на своего спутника хитро.

— Вряд ли они догадаются, куда она подевалась, — сказал он, пожевав губами. — Кроме того, я же говорю тебе: ее давно никто не читает. Прежде чем они хватятся пропажи, пройдет очень много лет. Нет-нет-нет, эта книга останется здесь и никто не отберет ее у меня.

Конан пожал плечами. Он никогда не понимал подобного отношения к книгам. Книги, конечно, могут содержать полезный или забавный текст, но сама рукопись, вся эта выделанная телячья кожа, покрытая письменами... Почему ученые приходят в священный трепет при виде всего этого?

Тянь-По, ликуя, извлек с полки маленькую бутылочку, полную мутноватой белой жидкости.

— Отпразднуем! — провозгласил он, разливая напиток по крохотным чашечкам.

Конан глотнул с опаской. Напиток оказался крепким, и киммериец неожиданно для себя опьянел.

— Что это?

— Ничего страшного, — пробормотал Тянь-По. — Изредка можно выпить. Просто пьяная вода.

— У меня тоже есть желание! — сказал вдруг Конан заплетающимся языком. — Ты свои исполнил, а я? А я... я хочу... я желаю...

Огненная дева появилась в комнате и склонилась над плечом варвара, обдавая его жаром.

Конан поднял голову и взглянул в ее узкое прекрасное лицо.

— Акме! — произнес он важно. — Я хочу такие же туфли, как у туранского наместника!

Звонящий смех наполнил дом Тянь-По. На мгновение оранжевая вспышка освобождающегося пламени ослепила обоих сотрапезников, а затем Акме исчезла — свободная навеки.

Конан потягивал «пьяную воду», изготовленную кхитайцем, и время от времени поглядывал на свои ноги. Парчовые туфли с красными кисточками выглядели на могучих ступнях киммерийца сконфуженно.